

С.Ю. АГАФОНОВ
С.В. ГОРЮНКОВ
В.А. ЧИГИРЕВ
П.И. ЮНАЦКЕВИЧ

**ДЕМОКРАТИЯ УМЕРЛА?
ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ДЕМОКРАТИЯ!**

Санкт-Петербург

2006

УДК 332.856:339.138(075.8)

ББК 65.422.5-2я7

Ю 49

Агафонов С.Ю., Горюнков С.В., Чигирев В.А., Юнацкевич П.И. Демократия умерла? Да здравствует демократия / Серия книг: Теория и методика профессионального обучения и воспитания взрослых. – СПб.: «Институт нравственности», 2005. – 32 с.

Рецензент:

Васильев Владислав Леонидович, доктор психологических наук, кандидат юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, заведующий кафедрой правовой психологии Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД РФ.

В работе сформулировано новое определение понятия «демократия», дано исчерпывающее определение свободы на основе нравственного принципа.

Работа рассчитана на широкий круг читателей, а также для использования в ходе подготовки и повышения квалификации государственных служащих и общественных деятелей.

ББК 65.422.5-2я.

© С.Ю. Агафонов, 2006

© С.В. Горюнков, 2006

© В.А. Чигирев, 2006

© П.И. Юнацкевич, 2006

ISBN 5-7199-0258-9

ДЕМОКРАТИЯ УМЕРЛА? ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДЕМОКРАТИЯ!

ДОБРОВОЛЬЦАМ НРАВСТВЕННОГО ПУТИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

1. Оглядываясь на прошедшие полтора десятка лет, испытываешь сложные чувства. Контраст между возбуждёнными некогда надеждами и реально полученными результатами – превосходит всякое воображение. Политики и бизнесмены избавились от ответственности перед обществом, коллективный менталитет (включая сюда менталитет правоохранительных органов) криминализировался, военные утратили понимание того, чему они служат, учёные остались без бюджетного финансирования, писатели (настоящие) лишились возможности публиковаться, инженеры торгуют в ларьках или работают охранниками, стучавшие касками шахтёры – больше не стучат, крестьяне ... о них лучше вообще промолчать. Нервическая активность начальных перестроечных лет сменилась глубокой социальной депрессией, застоём, “стабильностью”.

Возникло множество тупиковых проблем: межнациональная напряжённость в рамках постсоветского пространства, разделённость русского народа, социальная проблема мигрантов и др. А “демократия”, под флагом которой “демократами” совершались перемены, стала ещё одним ругательным словом.

Почему так получилось? Оппозиция уверяет, что разрушительные реформы изначально были спланированы и осуществлены врагами страны и народа, как внутренними, так и внешними. Но слишком многое говорит о том, что на столь сокрушительный успех в подобном предприятии упомянутые враги не смели даже надеяться. И если их надежды всё же сбылись, то не благодаря им самим, а благодаря тому, что внутри страны нашлись люди, которых иначе как “демократами-романтиками”, или – что то же самое – “честными дураками”, не назовёшь. Именно эта категория людей в своей монолитной совокупности явилась *рупором* и *локомотивом* тех крайне убогих в интеллектуальном и вредных в политическом отношении идей, под знаменем которых было так удивительно быстро дискредитировано наше очередное “светлое будущее”.

Вспомним самую главную из этих идей: государство должно уйти из экономики, невидимая рука рынка сама всё устроит наилучшим образом. Сегодня всем уже ясно, что данный тезис был несусветной, дорого нам обошедшейся глупостью: такого, чтобы государство полностью самоустранилось из экономической жизни, нет ни в одной из “наирыночнейших” стран цивилизованного мира. Наоборот, существует, как оказалось, целый ряд областей общественной жизни – государственная и национальная безопасность, образование, здравоохранение, культура – из которых государство, если оно действительно цивилизованное, не имеет права полностью уходить ни в коем случае.

Или вспомним романтический лозунг “Разрешено всё, что не запрещено законом”. На самом деле нигде в цивилизованном мире общественная жизнь

не определяется одним лишь “правом”; там всегда задействованы и другие регуляторы, восходящие в конечном счёте к традиционным нормам поведения. Например: нам все уши прожужжали о том, как замеченный в чём-либо неблаговидном западный политик покидает свой пост задолго до предъявления ему официального обвинения. Но разве стал бы он это делать, если бы и вправду было “разрешено всё, что не запрещено законом”?

А как беспощадно демократы-романтики клеймили наше общество за отсутствие в нём “правового самосознания”! Теперь уже трудно сказать, что они подразумевали под этим выражением; но и без того ясно, что никогда раньше не было у нас такого беспредела под “крышеванием” закона, такого массового “кидалова” людей по всем правилам юриспруденции.

До сих пор свежи в памяти красивые слова про “общечеловеческие ценности”. Но почему-то в качестве знамени перестроечных процессов были подняты лишь те сомнительные ценности, которые объединяют человечество как *биологический вид* (а это – разгул слепых страстей и инстинктов, звериного эгоизма и чисто животной борьбы за существование). Единственная же подлинно общечеловеческая, т.е. духовная ценность – нравственность межличностных отношений – почти выпала из повседневного обихода.

Наконец, вспомним, чем для всех нас обернулась широко разрекламированная демократами-романтиками в начале 90-х гг. “свобода”. На практике мы получили, как известно, небывалый расцвет анархии, уголовщины и казнокрадства, т.е. – полную противоположность всему тому, что принято называть “культурой” в максимально широком смысле этого слова. Но разве могло быть иначе, если “культура” – это, по её современному научному определению, “система ограничений, налагаемых на вседозволенность”? И разве не предупреждали нас о прямой опасности “свободы без ограничений” и А.С.Пушкин с его пророчеством о **«безумстве гибельной свободы»**, и С.Есенин с его **«Хлестнула дерзко за предел нас отравившая свобода»**?

Утопичность романтических мечтаний о политической “свободе” становится особенно очевидной сегодня, когда даже многие из самых упёртых прежде диссидентов, возвращаясь из эмиграции на родину, не стесняются уже признавать, что западный политический строй – это самый обычный, только более анонимно организованный по сравнению с коммунистическим или авторитарным, *либеральный тоталитаризм*.

2. Самонадеянная глупость и невежество, умноженные на редкую безответственность – вот основной родовой признак “демократа-романтика”. А причина коренится в его неспособности различать слова, обозначающие конкретные, воспринимаемые органами чувств *вещи*, и слова, обозначающие расплывчатые, воспринимаемые интеллектуально-художественной интуицией *понятия*. Между тем на таком *неразличении* строятся сегодня абсолютно все технологии манипулирования общественным сознанием: сначала с помощью средств массовой информации “накачивается” эмоциональной оценкой, положительной или отрицательной, нужное понятие (“коммунизм”, “капитализм” и т.д.), а затем с помощью тех или иных процедур обеспечивается “свободное народное волеизъявление”.

Поясним сказанное образной моделью. Представим себе так называемую “собаку Павлова” (объект отработки условных рефлексов), в мозг которой вживлены два электрода: один – в “центр удовольствия”, а другой – в

“центр агрессии”. От электродов проводки тянутся на испытательный стенд, где с помощью клемм подсоединены к кнопкам управления. Проводок, идущий от “центра удовольствия”, подсоединён, скажем, к кнопке с биркой “коммунизм”, а проводок, идущий от “центра агрессии” – к кнопке с биркой “капитализм”. Нажимается первая кнопка – и собака распускает слюни от удовольствия; нажимается вторая кнопка – и собака заходится в бешеном лае. Это – моделирование ситуации, наблюдавшейся в России в начале XX века. Затем клеммы от проводков перебрасываются с одной кнопки на другую – меняются местами, в результате чего операция раздражения “центра удовольствия” проводится уже под кодовым названием “капитализм”, а операция раздражения “центра агрессии” – под кодовым названием “коммунизм”. Это – моделирование ситуации, наблюдаемой сегодня.

“Бирки на кнопках” – это довлеющие над массовым сознанием понятийные штампы. “Центр удовольствия” и “центр агрессии” – это сфера эмоций массового сознания. Проводки, соединяющие электроды с кнопками – это штат профессиональных манипуляторов массовым сознанием, специалистов по эмоциональной окраске понятийных штампов (журналисты, политологи, артисты и др.). “Оператор”, перебрасывающий проводки с одной кнопки на другую – это власть, содержащая штат манипуляторов и направляющая его. А суть власти “оператора” над “собакой Павлова” – это свойство сознания принимать своё эмоциональное отношение к словам за их понимание. Свойство это блестяще описано А.П.Чеховым в рассказе «Сильные ощущения», к которому и отсылаем.

Если принять нарисованный образ за отвечающий реальности, то придётся согласиться, что любой взятый наугад “обыватель”, костерящий сегодня “проклятых коммуняк” – это всегда “собака Павлова”. Но придётся согласиться и с тем, что точно такой же “собакой Павлова” является и любой взятый наугад “обыватель” из противоположного политико-идеологического лагеря, наивно полагающий, что суть минувшей эпохи неотделима от её символов (бирок на кнопке).

Разумеется, “обыватель” здесь – это не носитель здравого смысла с его поговоркой «Назови хоть горшком, только в печь не сажай», а “вербально-одарённый” полуобразованец.

3. Бирки на кнопках могут быть самыми разными: “демократия” и “тоталитаризм”, “фашизм” и “либерализм”, “государственничество” и “анархизм”, “коллективизм” и “индивидуализм” и т.п. Единственное предъявляемое к ним требование – это то, что они должны образовывать собой пары противоположных по *предполагаемому* смыслу понятий. Только лишь при выполнении данного требования “оператор” сумеет разыграть на испытательном стенде спектакль для посвящённых под кодовым названием “борьба нанайских мальчиков”. А от “собак Павлова” требуется лишь “вера в бирки” – вера в соответствие отвлечённых понятий реальностям жизни, вера в *понятия* как в *вещи*.

Действительно, сегодня многим уже понятно, что свершившаяся в начале XX века смена ориентиров с “капиталистических” на “коммунистические” диктовалась не столько соображениями практической необходимости, сколько эмоционально-опьяняющей атмосферой пропаганды революционных идей. И точно также нет никаких оснований полагать, что в конце XX века обратная смена ориентиров с “коммунистических” на “капиталистические” свершилась под влиянием серьёзной аналитической

работы или взвешенной проработки пережитого опыта. Если бы имел место анализ социализма не как мистифицированной “общественно-экономической формации”, а как чисто технического принципа социального жизнеустройства, то было бы принято во внимание, что элементы государственного планирования, регулирования, контроля, протекционизма и сильной социальной политики давно уже неотделимы от того, что принято называть “капиталистической формой хозяйствования”. Поэтому следствием действительно профессионального анализа явился бы вывод, что своё собственное хозяйство, в котором все перечисленные элементы имелись, нужно не ломать, а бережно совершенствовать (по примеру тех же китайцев).

То же – с пережитым опытом: если бы он действительно учитывался, то стало бы ясно, что трудности, испытанные Россией в XX веке, обуславливались не столько “социалистической формой хозяйствования”, сколько целым рядом объективных и субъективных факторов: выпавшими на долю страны разрушительными войнами (гражданской и отечественной), процессами “раскрестьянивания” и “индустриализации” (которые сами по себе не имеют ничего общего с “социализмом” и лишь “случайно” совпали с ним по времени), крайностями “воинствующего атеизма” (надполитического по своей сути), климатическими особенностями страны (которые в принципе исключают слепое копирование любого чужого опыта, будь-то теоретический марксистский или практический рыночный), безграмотностью и безнравственностью руководителей.

Если бы, повторяем, всё это учитывалось, то мы не метались бы из крайности в крайность, а спокойно занимались бы улучшением того, что имеем, исходя из соображений одной лишь целесообразности. Но поскольку наблюдается именно метание из крайности в крайность, то приходится констатировать, что за сменой ориентиров стоит не здравый народный смысл и трезвый расчёт, а умение “операторов” манипулировать “проводками” и “клеммами” и привычка полуобразованных наставников и вождей мыслить “бирками”.

4. Сегодня в моде “бирка демократии”. Об её искусственно привнесённом в русскую общественную мысль характере можно в какой-то мере судить по содержанию разговора А.С.Пушкина с французским посланником в Петербурге де Барантом. Разговор этот дошёл до нас во всех подробностях благодаря необычайному стенографическому искусству фрейлины императорского двора А.О.Смирновой-Россет, постоянной собеседницы А.С.Пушкина и автора уникальных «Записок» о нём. Согласно «Запискам», Пушкин в полемике с Барантом показал (и Барант вынужден был согласиться с ним), что “демократия” – это всего лишь словесный камуфляж, введённый со времён европейских буржуазных революций в разговорный обиход в интересах новой финансовой аристократии, заменившей собою аристократию феодальную («Записки» А.О.Смирновой-Россет. М.2003).

То, что было ясно ещё А.С.Пушкину, оказалось неясно нам (не благодаря ли некоторым пушкинистам, упорно настаивавшим на подложности «Записок» А.О.Смирновой-Россет?). И вот результат: мы получили себе на шею в качестве интеллектуальной элиты зацикленных на демократической риторике попугаев, не знающих и не желающих знать, что первая в человеческой истории демократия – афинская – была на самом деле рабовладельческим государством; что средневековые “двухпартийные демократии” Европы – Генуя, Венеция, Флоренция – были олигархиями, практиковавшими

работоторговлю; что современные страны Запада, обеспечившие, как принято считать, своё экономическое процветание собственным трудом и приверженностью демократическим ценностям, на самом деле «построили себя (говоря словами лауреата Нобелевской премии К.Леви-Стросса) из материала колоний».

Не удивительно, что, осуществляя при таком уровне мышления и знаний “свободный демократический выбор”, **демократы-романтики с неизбежностью заводят свои собственные страны в политическую, экономическую и духовную зависимость от тех более прагматически настроенных государств**, которые, вовсе не являясь по своей сути образцами народовластия, имеют достаточно силы, наглости и циничного расчёта, чтобы заставить других считать себя “демократическими”.

5. Как бы там ни было, история – этот во многом ещё не контролируемый нами процесс “мутации” языковых смыслов – поставила нас перед необходимостью жить “по демократическим правилам”. Что мы здесь имеем?

Казалось бы, есть положительные стороны ситуации; они заключаются в том, что общественное движение в России удовлетворило объективную потребность развития страны и народа в выходе из самоизоляции, в свободе слова, в раскрепощении частной инициативы. Но, как уже сказано, всё это было достигнуто ценой издержек, далеко превосходящих полученный позитив. Означает ли это, что – как утверждают некоторые оппонировавшие сегодняшней власти политики – мы должны отказаться от полученного опыта и вернуться на “исходную позицию”?

На наш взгляд, возвращаться туда нет никакой необходимости. Во-первых, именно “исходная позиция” явилась тем инкубатором, в котором расплодилось, оперилась и в полном блеске проявила себя всёразрушающая генерация демократов-романтиков (кадровую базу которых составили отчасти выращенные под негласной партийной опекой диссиденты, а отчасти и сами партийцы). А, во-вторых, советский период вовсе не был неким качественно отличным от всей остальной русской истории “провалом”; в нём явственно прослеживается определённое смысловое содержание, роднящее в чём-то ушедшую эпоху с наступившей.

Речь идёт о следующем. Российская духовная атмосфера первых десятилетий XX века, во многом созданная полувековой агитационной работой разного рода социалистов, была наполнена эйфорическим ожиданием торжества мировой коммунистической революции. Но катастрофические последствия претворения революционных идей в жизнь уже к 30-м годам заставили наиболее трезвомыслящих партийцев сказать: «Хватит с нас мировой революции, мы под этим лозунгом просто не выживем. А раз уж мы оказались заложниками всего того, что сами же натворили, то попробуем сменить приоритеты и построить “коммунизм в отдельно взятой стране”» – Результат смены приоритетов хорошо известен: страна одержала победу в самой страшной в её истории войне, превратилась в передовую индустриальную державу и первой вышла в космос. Вместе с тем низкое качество теоретического осмысления собственного опыта так и не позволило позднему СССР выйти на уровень, отделяющий этот опыт от навешенной на него “бирки коммунизма”. Результат не заставил себя ждать: новые “операторы” очень быстро сумели перебросить проводки с клемм “бирки коммунизма” на клеммы “бирки мировой либеральной капиталистической демократии”, – чем породили настоящую эскалацию так наз.

“демократических революций” (“бархатных”, “цветных”, “фруктовых” и т.д.). Но поскольку ничего кроме смены плюса на минус (или минуса на плюс – кому что нравится) за всеми этими спектаклями не стоит, то и получить от них ничего кроме разочарования не удастся. И вот уже в атмосфере “демократической ломки” некоторые наиболее трезвомыслящие политики начинают выражать несмелое, но всё более крепнущее требование момента: «Хватит с нас мировой демократии, мы под этим лозунгом просто не выживем. А раз уж мы оказались заложниками всего того, что сами же натворили, то попробуем сменить приоритеты и построить “демократию в отдельно взятой стране”» (или, что то же самое, “свою, русскую демократию” – именно так интерпретируются либеральной прессой некоторые инициативы президента В.В.Путина).

Приведённая аналогия очень хорошо раскрывает демагогическую, манипулятивную природу нынешних псевдореволюционных перемен, при которых *самоизоляция* оборачивается *проходным двором*, *отсутствие свободы слова* – *свободой от смысла слова*, а *запрет на частное предпринимательство* – *криминалом и уголовщиной*. То есть, становится ясно, что смысл перемен сводится к замене одних неумных крайностей на другие. А чтобы люди, боже упаси, не научились жить без крайностей, на каждую из них навешивается своя “политическая бирка”.

Но “бирками” – спасибо СМИ – во многом определяются приоритеты сознания *электората*, и не считаться с этим фактом никакой политик-практик позволить себе не может. А отсюда вытекает и его отношение к “биркам”: он всегда вынужден выбирать ту, которая на данный момент имеет в глазах большинства, особенно молодёжного, статус “более прогрессивной”. Вот почему сегодня политик-практик вынужден оказывать предпочтение “бирке демократии”. Он делает это не потому, что “бирка демократии” лучше “бирки коммунизма” (они друг друга стоят), а потому, что в ситуации искусственно создаваемого “условного рефлекса на демократию” **именно она позволяет решать реальные проблемы без риска ещё сильнее обострить их.**

Но где гарантия, что выбравший “бирку демократии” политик-практик в очередной раз не сделает граждан своей страны “собаками Павлова”?

С нашей точки зрения, даже ситуация тотальной *зависимости от слов* не исключает политики здравого смысла. То есть, для реалистически, а не криминально мыслящего политика выбрать “бирку демократии” – означает наполнить её конкретным социальным содержанием. А сделать это, оставляя “демократию” в руках тех, кто по своему невежеству и корысти допустил сращение власти с криминалом, невозможно. Вот почему **на смену демократии романтической эйфории должна прийти демократия здравого смысла** (т.е. демократия без придури и безответственности). Только так наша страна сумеет залечить раны, нанесённые ей “демократами-романтиками”. Сами же “демократы-романтики” должны покинуть политику и остаться в обществе на почётных правах “политкаторжан” – в память о тех страданиях, которые им пришлось испытать на своей многотрудной “стезе борьбы за демократию”.

6. С чего начинать строительство демократии здравого смысла? Очевидно, что в первую очередь нужно разобраться в истинной смысловой конструкции того глобального политического порядка, внутри которого мы оказались на правах его составной части. То есть, нужно понять, какое реальное содержание скрывается за “биркой мировой демократии”. А понять

это можно, лишь уяснив себе суть отношений между “демократией” и “либерализмом”.

В России, в силу особенностей её реформирования “демократами-романтиками”, эти понятия принято отождествлять (путать). Между тем, при всём разнообразии способов их использования “операторами”, они по своему собственному внутреннему содержанию устойчиво ассоциируются с совершенно различными полями смыслов. “Либерализм” (от латинского *liber* – свободный) акцентирует внимание на *свободе индивидуума*, которая, как молчаливо подразумевается, не должна ограничиваться никакими принципами, никакими формами контроля. “Демократия” же (от греческого (*demos* – население и *kratos* – сила, власть) предполагает примат народа (общества, коллектива) как совокупности индивидуумов, где свобода каждого оказывается существенно ограничена за счёт свободы других. То есть, по своему собственному внутреннему содержанию слова “демократия” и “либерализм” не только не находятся во взаимном согласии друг с другом, но, в известной мере, друг друга **исключают**.

Отсюда – все тонкости и нюансы политического пейзажа современного мира. Западноевропейская “демократия”, как уже сказано, со времён буржуазных революций служила словесным прикрытием для тотальной власти над обществом её финансовой “элиты” – основной носительницы “либеральных” претензий (**претензий на абсолютную свободу для самой себя**). И прикрытия это работало тем надёжней, что западноевропейские общества XIX-XX вв. были *индустриальными*, а, значит, по необходимости *социальными* (поскольку бедные были нужны богатым как рабочая сила, а богатые бедным – как источник оплаты их труда). Ещё эффективнее прикрытия стало работать в XX столетии, – по той причине, что усилившиеся с 30-х гг. XX в. классовые *напряжения* внутри индустриальных обществ стимулировали построение финансовой “элитой” совершенно новой и весьма хитроумной модели отношений между богатыми и бедными – модели, известной как отношение между “золотым миллиардом” и “странами третьего мира”. При этой модели *напряжения* между богатыми и бедными внутри каждой индустриальной страны были заменены на одно *большое напряжение* между богатым блоком “золотого миллиарда” и бедным блоком “стран третьего мира”. Но поскольку истинная причина *напряжения* внутри такой модели (тем более при взляде на неё с социального “низа”) стала слабо различимой, то и само *напряжение* оказалось возможным существенно ослабить за счёт внедрения в массовое сознание мифов о “прогрессивной” (либерально-демократической) и “отсталой” (традициональной) формах политического устройства. А высокие налоги с богатых в пользу менее богатых внутри самого “золотого миллиарда” окончательно упрочили имидж “либерально-демократической” формы государственного устройства как безусловного и обязательного для всех без исключения *образца для подражания*.

Пропагандистское значение описанной модели трудно переоценить, – ведь потому только наша страна и оказалась в глубоком кризисе, что **клюнула** на “витрину золотого миллиарда” как на его сущностное содержание. И это тем непростительней, что внутри самих стран Запада уже давно и последовательно заявляет о себе всё более откровенный отказ от “демократии” в пользу всё более откровенного “либерализма”. Дело в том, что постиндустриальное общество, в фазу которого вступил мир, качественно отличается от индустриального своими общественными отношениями: они

теперь определяются новейшими автоматизированными технологиями, на глазах одного поколения изменяющими материально-технические основы цивилизации. И если в индустриальном обществе финансовая “элита” нуждалась в квалифицированной рабочей силе, а, следовательно, была вынуждена под её давлением (в форме классовых и профсоюзных движений) придавать обществу *социальный* характер, то постиндустриальное общество с его автоматизированной индустрией **избавляет “элиту”** от обузы *социальности*.

Как следствие, поляризуется отношение между либеральной “элитой” и всем остальным “быдлом”, куда в перспективе зачисляется и пресловутый “средний класс”: “элита” глобализирует и виртуализирует (делает непрозрачным) управление экономикой, затрудняя тем самым государственный контроль над ней, а вся остальная масса населения, лишаемая в силу этого налоговых отчислений в свою пользу, становится “элите” попросту ненужной.

Тем самым становится неизбежным и разрушение социального государства как такового. Признаки разрушения – это и всё более явное освобождение правительствами самих себя от ответственности перед собственными народами, и расползание по всему миру оффшорных зон – мест, куда можно увести деньги от их обложения налогами, и последовательная миграционная политика, нацеленная на размывание национально-государственных границ, и сознательная компрометация традиционных духовных ценностей, без опоры на которые “право” превращается в изощёрённо-подлую казуистику.

Самый же главный, “контрольный” признак разрушения “социального государства” – это формирование новой постиндустриальной “элиты” с её абсолютно наднациональной и надгосударственной природой, с её отработанной до совершенства технологией “выжимания соков” из *многих* ради *немногих*, с её доведённой до логического конца безответственностью за принимаемые решения глобального уровня, **с её основанной на информационных ресурсах неограниченной властью над миром** и полным “либером” для себя. Постиндустриальную “элиту” называют иногда *нетократией* – властью, построенной по *сетевому* принципу (который толкуют, в зависимости от ситуации, по разному, но за которым стоит, в конечном счёте, элементарное различие *своих* и *чужих*). Нетократия и является чистым воплощением *волчьего либерализма в овечьей шкуре демократии* (т.е. воплощением “либерализма”, чётко отделяющего себя от “демократии”, но предпочитающего пользоваться её именем).

7. Новизна технологических форм, в которые облечено существование постиндустриальной “элиты”, создаёт впечатление, что мы имеем дело с неким абсолютно новым по своей сущности явлением. Между тем в действительности ничего нового здесь нет, а есть древнее, как мир, стремление меньшинства устроиться за счёт большинства. То есть, речь идёт об обычной, но исключительно высоко в техническом отношении оснащённой *паразитократии*.

О самой возможности возникновения столь совершенной формы *антидемократии* не пришлось бы даже разговаривать, если бы в её основе не лежали столь же совершенные формы “промывания мозгов”. Суть их в том, что они призваны воздействовать не только на инстинкты человека, но и на его интеллект – на его способность задумываться о принципах

мироустройства. Имеем в виду, в частности, книгу Д.Сороса «Открытое общество: реформируя глобальный капитализм» (М. 2001), представляющую собой развёрнутое изложение того, каким видится постиндустриальной “элите” ближайшее будущее планеты. Претензию этой книги на объективность призваны оправдать многочисленные, встречающиеся в ней, ссылки на Р.Декарта и И.Ньютона, на философов эпохи Просвещения и И. Канта, на Г.Гегеля и К.Маркса, на З.Фрейда и Б.Рассела, на К.Гёделя и В.Гейзенберга, на А.Бергсона и К.Поппера, на Ф.Хайека и Л.Витгенштейна, на Т.Куна и П.Фейерабенда, на логический позитивизм, на проблемы соотношения мышления и реальности, морали и внеморальности, познаваемости и непознаваемости.

Уже на самых первых страницах книги прямо сказано, что миру и стабильности в открытом (рыночном) обществе угрожают главным образом идеи национального и идеологического суверенитетов. То есть, **никто не имеет права жить в ладу с собственной культурноисторической традицией**. А чтобы придать этой страшноватой перспективе привлекательность, Сорос включает в число главных угроз миру и стабильности, наряду с национальным и идеологическим суверенитетами, и «рыночный фундаментализм» с его «необузданным стремлением к удовлетворению личного интереса». Но отсюда вовсе не следует, что взамен предлагаются некие разумные и общепонятные “правила игры для всех”; наоборот, прямо говорится, что поскольку «мы, во-первых, лишены возможности принимать решения, основываясь на точном знании, и, во-вторых, наши действия неизбежно влекут за собой последствия, которых мы не ожидаем», то всё это «ставит под сомнение постулаты, лежащие в основе экономической теории, а именно, постулат рационального поведения вообще и рациональных ожиданий – в частности».

Далее выясняется, что речь идёт о некой заявке на теорию: «В этой книге я... выдвигаю теорию истории. Я рассматриваю финансовые рынки как исторический процесс и использую их в качестве полигона для проверки моей теории...» Оказывается также, что новая теория имеет отношение к новейшим разработкам в области теории эволюции: «В последнее время возникла целая новая наука – эволюционная теория систем, изучающая взаимодействие между хищником и жертвой, или, в более общем виде, между участником и средой... Сравнительно недавно исследователи, взявшие на вооружение эволюционную теорию систем, приступили к изучению сложных физических процессов, течение которых не может быть описано с помощью инвариантных (неизменных – авт.) во времени законов... Такой подход лежит в основе теории хаоса, которая пролила свет на многие сложные явления – например, такие, как погодные...»

Если учесть, что отсутствие «инвариантных во времени законов» характерно и для такой соблазнительной формы хаоса, как своевольное человеческое поведение, то придётся признать, что перед нами – “теория произвола”. Причём такая “теория”, которая, с одной стороны, призвана обосновать необходимость и неизбежность произвола («Эволюционная теория систем мощно вторгается не только в физику и биологию, но также и в общественные науки»), а с другой – убедить в принципиальной непознаваемости общественных отношений («Хотя физика преодолела уже детерминистический [причинно обусловленный – авт.] подход, общественные науки в целом и экономическая наука в частности ещё отчаянно цепляются за него»).

8. Самое интересное в соросовской “теории” – её связь с теорией эволюции. Эта связь – не натяжка: если идею эволюции принять за отправную точку известного хода мысли, то “теория произвола” предстанет как его закономерный итог. Действительно, ведь и сама дарвиновская теория, будучи по определению теорией естественного отбора, совершающегося в процессе борьбы видов за существование (борьбы всех против всех) – это, в сущности, не что иное как “теория своеволия видов на биологическом уровне”. Но дарвиновская теория эволюции послужила, как известно, естественнонаучной основой для изучения в соответствующем ключе и человеческого общества; неудивительно поэтому, что и у классиков диалектического материализма исторический процесс представлен в виде борьбы “двух своеволий: своеволия эксплуататоров и своеволия эксплуатируемых”.

Нынче классики диалектического материализма не в моде; но это не значит, что вышла из моды и идея эволюции. Напротив, поднятая на новый уровень, она сегодня плодоносит как никогда раньше. Достаточно указать на эволюционную эпистемологию К.Поппера и его последователей, на разного рода теории самоорганизации или на ту же, упомянутую Д.Соросом, эволюционную теорию систем. Но тем острее тогда встаёт вопрос, что же это такое – соросовская “теория”: последнее слово научной мысли или внешне онаученное обоснование руководящего произвола?

Мы поймём это, если зададимся предварительным вопросом: почему эволюционная идея, в обличье дарвиновской теории, возымела в своё время такое беспримерное влияние на умы, несмотря на свои более чем сомнительные теоретические основания? В самом деле: сформулированный Ч.Дарвиным принцип поступательного увеличения видового разнообразия методом дивергентного расхождения видообразующих признаков – это чисто механистический принцип развития от “низшего к высшему”, методологическая несостоятельность которого прекрасно осознавалась и самим Ч.Дарвиным («Знаю, – писал он, – что едва ли возможно определить ясно, что разумеется под более высокой или более низкой организацией»; «Это область очень запутанного вопроса»). Да и наиболее проницательные современники Ч.Дарвина сразу поняли, что «дарвинизм не только и не столько биологическое, сколько философское учение» (Н.Я.Данилевский), т.е. умозрительная конструкция, отвечающая неким тенденциозным умонастроениям и запросам своего времени. Тем не менее именно эта умозрительная конструкция и легла в основу всех дальнейших “осоциальных” модификаций эволюционизма. А научная эклектика, порождённая смешением умозрительной конструкции с эмпирическими фактами, на протяжении более чем столетия покрывалась дымовой завесой “диалектических противоречий”.

А ведь были в после-дарвиновской науке общебиологические теории (например, номогенетические), удовлетворявшие критерию научности намного больше, чем дарвиновская теория. Однако их влияние на общественное сознание оказалось абсолютно несоизмеримо с влиянием на него теории естественного отбора. Почему? Несомненно, по той лишь единственной причине, что **дарвиновская теория впервые в истории науки СОЗДАЛА ИЛЛЮЗИЮ законченного, самодостаточного, целиком и полностью объяснённого научного взгляда на мир.** То есть, она, в отличие от “телеологических” и “виталистических” концепций биологической эволюции, завершила собою очень давнюю в истории развития науки

тенденцию высвобождения человеческой мысли из ограничительных рамок, налагавшихся на неё “метафизикой”. Потому-то она и послужила “естественнонаучной основой” для материализма как “научно-исторического” мировоззрения. **А тем самым она окончательно и бесповоротно “узаконила”, именем науки, все те формы “прогрессивного” человеческого поведения, которые уже не считали себя связанными оглядкой на религию и совесть, на справедливость и вообще на “идеалы”, – для них достаточно стало опоры на безрелигиозное знание, на формальное право и вообще на “интересы”.**

Разумеется, со временем от вызывающе механистического объяснения эволюционно-исторического процесса пришлось – на словах – отказаться в пользу более хитроумных и замысловатых моделей *самоорганизации*. Но симптоматично, что частица “само-” во всех таких моделях всегда означает отсутствие разумного (высшего) влияния на процесс. То есть, она означает, что речь всегда идёт о материалистической (умозрительно-философской) интерпретации процесса. А цель таких интерпретаций всегда одна и та же – представить, вопреки эмпирическим фактам, образ мира как целиком и полностью объяснённый на материалистической основе.

Как следствие, общий характер интеллектуальной атмосферы современной цивилизации определяется засильем в ней умозрительно-философских концепций, не отвечающих реально наблюдаемой фактологии. И это не может не тревожить, потому что такое положение вещей слишком уж идеально укладывается в некоторые полусформулированные положения теории социального управления, согласно которым **абсолютная власть над обществом могла бы быть обеспечена выстраиванием в сознании управляемых некой упрощённой модели “иллюзорной реальности”, позволяющей заранее просчитывать любые поведенческие реакции управляемых.**

Насколько основателен и актуален такой ход мысли, свидетельствует богатейший материал текущей общественной жизни. Мы видим, например, как замыкание умозрительно-философских моделей развития на материализм оборачивается формированием специфического общественного менталитета, ориентированного на утилитарное и сиюминутное в ущерб высокому и вечному. Мы видим, как идея “прогресса” легализует в массовом сознании представление о естественности и неизбежности *революционной* замены “старого” (пусть даже и очень хорошего) “новым”. Мы видим, как взращиваемый на почве идеи “прогресса” однобокий тип мышления создаёт идеальные условия для превращения нормальных людей в “собак Павлова”. Мы видим, как, в силу изначально-упрощённой “объяснённости” умозрительно-философских моделей развития, сужается кругозор их носителей: как, с одной стороны, «человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым» (К.Маркс), а с другой – как оно вступает в фазу “конца истории” (Ф.Фукуяма). А в итоге: «Есть только миг между прошлым и будущим» – «за него и держись» (музыкальный агитпроп). Но оказывается, что и в этом “миге” держаться не за что и незачем, потому что понять что-либо в нём, с точки зрения его умозрительно-философских обоснований, нельзя в принципе; именно в этом стремятся уверить нас и “критический рационализм” К.Поппера, и “методологический анархизм” П.Фейерабенда, и новейший идеал “научного консенсуса” современных “плюралистов”. Наконец, мы видим, как производные от умозрительно-философских моделей развития идеи “самоорганизации” (и в первую очередь идея “рыночной самоорганизации”,

которая якобы и сама, без участия государства, отлично всё отрегулирует) выводят из поля зрения управляемых саму настоящую, реальную власть “руководящего произвола”, делают эту власть анонимной, невидимой и неуловимой, а в конечном счёте как бы и вообще не существующей.

Короче говоря, мы видим, как разрушаются основы полнокровной, духовно-независимой общественной жизни и как отсекаются пути возвращения в неё, потому что само общественное сознание “захлопывается” в “капкане иллюзорной реальности” – в главном идеологическом инструменте скрытой *антидемократии*.

9. Очень важно раз и навсегда понять, что именно “иллюзорная реальность” является основой для того образа мышления, который питает глубоко *антидемократическую* претензию самозванной либеральной “элиты” (а также всех тех, для кого она служит предметом зависти и подражания) на её “право” жить за чужой счёт. И здесь естественно возникают вопросы: а что сегодня можно “иллюзорной реальности” противопоставить? И не является ли единственной альтернативой “иллюзорной реальности” религиозная традиция в тех или иных конкретных её модификациях (в христианской, в исламской, в буддистской и т.д.)?

Предоставим исламистам и буддистам самим решать свои проблемы, а рассмотрим лишь ситуацию с нашей собственной христианской (в первую очередь православной) церковью. И для начала отметим, что воздействие современной церкви на умы ничтожно по сравнению с её же воздействием на них в дореволюционные (конец XIX – начало XX вв.) времена. Но ведь и про дореволюционную церковь ещё Ф.М.Достоевский говорил: «Церковь наша в параличе». А если быть честным до конца, то нужно будет признать, что именно этот “паралич” (а вовсе не *вторичный* антицерковный террор большевистских комиссаров) и привёл ко всему тому, что российское общество имеет в плане своего нынешнего нравственного состояния. Поэтому необходимо сказать несколько слов и о глубинных причинах “церковного паралича”.

Главной своей задачей церковь считает *спасение души* каждого отдельного человека, т.е. – обретение им внутреннего состояния высокой нравственности. И достаточно долго с этой своей задачей церковь успешно справлялась, потому что в сфере её компетенции находились не только вопросы нравственности, но и более фундаментальные по отношению к ним вопросы мироустройства. Речь идёт о том, что санкционированная средневековой церковью картина мира (“рай” для праведных, “ад” для грешников) вполне убедительно и наглядно разъясняла даже необразованному человеку, почему он должен соблюдать законы нравственного поведения. Одновременно средневековая церковь удовлетворяла запросам и высокообразованных людей, – потому что христианское мировоззрение того времени, будучи синтезом собственно-христианских идей с предыдущим, необычайно высоким античным знанием (главным образом с платонизмом и неоплатонизмом), несло в себе не только религиозную, но и всеохватно-культурную функцию. И пока христианское мировоззрение несло в себе эту синтетическую всеохватность, совмещающую вопросы мироустройства с вопросами нравственности, моральный авторитет церкви и её влияние на общественное сознание находились на недостижимой (по нынешним меркам) высоте.

Но в позднем средневековье христианское мировоззрение стало утрачивать свой целостный характер: всеохватная “культура” разделилась на религиозную “веру” и светское “знание”, где “вера” отвечала за *спасение души*, т.е. за нравственность, а “знание” – за всё остальное (данное разделение, с большой долей приблизительности, можно датировать событиями западноевропейской Реформации). С этого момента христианское мировоззрение (и западное, и восточное), превращаясь постепенно из *всеохватной культуры* в *субкультуру* общества, неотвратимо теряет своё общественное значение, потому что из сферы его компетенции последовательно изымаются смысловые поля, переставшие быть важными для религии, но по-прежнему оставшиеся важными для культуры. Например: с расширением знаний о форме Земли, о положении Земли относительно Солнца и о положении Солнца относительно звёзд вопросы устройства мироздания, находившиеся до поры до времени в сфере компетенции церкви, стали переходить в сферу компетенции науки. Или: известно, что вся современная когнитологическая проблематика (т.е. наука о познавательных процессах и о структурах знания) выросла из богословского тринитаризма – учения о троичной сущности Божества; в самом же богословии это направление мысли прекратило своё существование в силу возобладавшего негласного запрета на символическую интерпретацию тринитаризма. И так далее.

Но ситуация, где в вопросах мироустройства более авторитетным оказалось светское знание, не могла не сказаться самым катастрофическим образом на престиже церкви как блюстительницы нравственности – ведь нравственность, как уже сказано, это не самодостаточная идеологическая сущность, которую можно искусственно “вмонтировать” в общественное сознание (наподобие того, как в компьютер “вставляется” программа), а производное от мировоззрения, несущего в самом себе ответ на вопрос: «Почему я должен быть “хорошим по отношению к другим”, т.е. нравственным? Современная же церковь – если заставить её ответить на этот вопрос – способна сегодня предложить вопрошающему либо веру в устаревшую, давно не убеждающую картину мира, либо бессильную увещательную проповедь (вроде той, что с детства знакома нам по басне И.А.Крылова «Кот и повар»).

В этом и заключается трагедия современной церкви.

10. Казалось бы: если за вопросы мироустройства в современную эпоху стало отвечать светское знание, то и инициативу в деле мировоззренческого обоснования нравственности должно было бы перехватить именно оно, а точнее, его наиболее ярко выраженная форма – современное научное мировоззрение в его эволюционно-историческом облике. Но, как уже сказано, современное научное мировоззрение, становление которого протекало в условиях острого противостояния с религиозным мировоззрением, изначально определилось как материалистическое, а, значит, тоже **суженное (до размеров “иллюзорной реальности”)** за счёт принижения в нём отвечавшей за нравственность “идеалистической” компоненты (которая объявлена “небазисной”, “вторичной”, “надстроечной” и т.д.). Именно поэтому материалистическое мировоззрение не только не даёт ответа на вопрос «почему нужно быть нравственным?», но, наоборот, убеждает, что быть нравственным – невыгодно и даже вредно.

В итоге мы имеем ситуацию разделённости общечеловеческого знания

на его религиозную (“вера”) и светскую (“наука”) формы, где обе эти противостоящие друг другу стороны духа считают себя независимыми и самодостаточными, но где на самом деле с точки зрения обеспечения нравственности ни одна из них не является полноценно работающей. Причём интересно, что сколько-нибудь внятных оснований для противопоставления друг другу “веры” и “знания” не найдено до сих пор (да и в принципе не может быть найдено, поскольку оба понятия имеют одну и ту же, малоизученную в структурном отношении информационную природу). Но слишком уж велика оказывается общественная заинтересованность в сохранении и укреплении такого противопоставления, чтобы так просто отказаться от него: слишком большое количество небескорыстных интересов вовлечено сегодня в практическую эксплуатацию “конфликта между верой и знанием”. Для нужд управления, например, слишком соблазнительна “вера без знания”, превращающая людей в бездумно-послушную толпу конформистов, а для нужд конкуренции – “знание без веры”, превращающее их в энергично-бессовестную “элиту профессионалов”. И уж подавно соблазнительна с точки зрения повседневно-обывательского умения жить свобода выбора между “верой без знания”, освящающей моральное право на невежество, и “знанием без веры”, обосновывающим моральное право на безнравственность.

Как выразился один современный автор: «сумерки полужнания»... От себя добавим: очень выгодные для скрытой *антидемократии*.

11. Выход из тупиковой ситуации видится на двух параллельных взаимосвязанных путях. С одной стороны, и церковь, и светская власть просто обязаны прилагать совместные усилия по **искусственному поддержанию общественной роли нравственности как традиционной ценности**. С другой стороны, бессмысленность и вредность противопоставления друг другу “веры” и “знания” становятся сегодня тем очевидней, чем яснее осознаётся зависимость нравственности от мировоззрения. Но поэтому и сами эти бессмысленность и вредность как бы сигнализируют нам о назревшей потребности в **замене существующей мировоззренческой парадигмы на такую, в которой само противопоставление “веры” “знанию” исчезнет**.

Рассмотрим подробно первый вариант программы действий. **Моральное право на защиту нравственности как традиционной ценности нам даёт обоснованный выше взгляд на материалистическую картину мира не как на “объективное мировоззрение, оправданное последним словом научной мысли”, а как на “иллюзорную реальность”, санкционирующую, оправдывающую, насаждающую и легитимирующую под предлогом “деидеологизации” самую обычную “идеологию агрессивной безнравственности”**. Отсюда – наша практическая позиция: мы не питаем иллюзий насчёт реального положения вещей и признаём, что «нравственность, как и талант, даётся не каждому» (А.С.Пушкин). Но мы считаем при этом, что не имеем права закрывать глаза на те деструктивные последствия, которыми оборачивается для подавляющего большинства наших граждан отсутствие нравственности у их меньшинства. Разумеется, мы вполне отдаём себе отчёт в необычайно сложности вопросов, связанных с проблемными аспектами культурно-исторической категории “нравственности”. Но мы понимаем и то, что реально наблюдаемая нравственность, воплощённая в практическом поведении людей, нуждается не столько в

академической, сколько в общественной оценке. Поэтому в качестве генерального (но вовсе не единственного) направления своей работы мы сознательно выбираем область нравственности как операциональной категории, определяя её как “ненанесение ущерба себе и обществу, баланс духовных и материальных устремлений и действий”.

При таком выборе угла зрения в центре внимания оказывается связь нравственности как безусловной традиционной ценности с живой управленческой практикой. А критерием соответствия управленческих решений нравственным стандартам становится **очевидность их социально-ориентированного характера**.

Поясним. Любая власть всегда стоит перед альтернативой: или она действует в интересах всего общества, делегировавшего ей властные полномочия, или же она из собственной корысти пренебрегает его интересами. Социально-ориентированной, а, значит, безусловно *нравственной* и, значит – подлинно *демократической* (будем исходить из собственного внутреннего смысла этого слова, а не из политических спекуляций на данную тему) может считаться лишь власть первого типа. Второй же тип власти по всем параметрам подпадает под определение *безнравственного* и *антидемократического*, – какими бы внешними атрибутами *демократичности* он при этом ни прикрывался.

Если говорить о реально сложившейся ситуации в стране, то мы определяем её как неустойчивую. Глупости романтического периода сильнее всего ударили по нравственной составляющей власти, что катастрофически отразилось и на её собственной дееспособности, и на духовно-нравственном состоянии общества. В то же время понижение качества управления – как следствие утраты нравственной составляющей – не устраивает и саму власть, а точнее – ту её часть, которая пока ещё сохраняет желание стать настоящей, а не марионеточной, декорационной властью. Существует явная заинтересованность этой части власти в **восстановлении** такого порядка вещей, при котором к существующим рычагам управления – административному и правовому – можно было бы добавить и рычаги “нравственного осуждения” и “нравственного принуждения”. Вот здесь-то и открываются возможности для манёвра на бюрократическом поле.

Дело в том, что бюрократия по своей природе безынициативна; но в силу обстоятельств она неожиданно для себя стала неформальным господином положения, вершителем судеб страны. Свалившаяся на неё с неба бесконтрольность поведения привела общество к ситуации, где весь бюрократический аппарат сверху донизу, хотя и с известной неравномерностью, оказался пропитан агрессивной и невежественной безнравственностью (что само по себе не удивительно: ведь революции совершают романтики [= честные дураки], а их плодами пользуются – до поры до времени – негодяи и мародёры). Это – издержки эпохи Перемен, и они ничего общего не имеют с той демократией, которая нам нужна.

Строго говоря, агрессивная и невежественная безответственность бюрократического аппарата – проблема всемирная. Другое дело, что лидеры российской демократии обязаны разрешить её в исторически короткие сроки, дабы вообще не исчезнуть с лица земли.

Истинная демократия, как в России, так и в любой другой стране мира, может покоиться только на прочном фундаменте общественной и индивидуальной нравственности. А, исходя из такой формулировки “демократии”, можно уточнить и понятие “свободы”, определив

последнюю как осознанную необходимость руководствоваться нравственным принципом. Вот почему практическая реализация стратегического курса формулируется нами в сложившейся обстановке следующим образом:

- 1) должен быть восстановлен приоритет духовно-нравственного начала над всей политико-административной сферой с её исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти;
- 2) комплектование и ротация кадров во властных структурах должны осуществляться с учётом критерия нравственности;
- 3) должна быть разработана эффективная процедура удаления из власти должностных лиц, деятельность которых вступает в противоречие с принципом нравственности.

Это – самый существенный момент в первом варианте программы действий по выводу страны из поразившего её кризиса нравственных устоев: **власть должна взять на вооружение принцип нравственности как дополнительный рычаг управления. И она непременно возьмёт его – если только она захочет (а мы убеждены, что захочет) оставаться властью.** Понимаем, что надежда на добрую волю власти способна вызвать в нынешних условиях один лишь скепсис. Но считаем, что это – скепсис людей, не знающих истории. А она, история, постоянно демонстрирует нам образцы теснейшей зависимости качества управления от степени соблюдения самой властью нравственных норм. Вспомним хотя бы монгольского полководца XIII века, прославившегося афоризмом: «Сидя в седле (т.е. грабя и убивая – авт.), можно завоевать империю; но невозможно, сидя в седле, ею управлять». Да и вся остальная, как предыдущая, так и последующая история взаимоотношений власти и общества всегда определялась – вопреки распространённым представлениям – вовсе не одними только классовыми и иными противоречиями и вовсе не одним стяжательством и мародёрством.

Повторимся: никакие “целевые программы” по “привитию” нравственности не заработают **без официального принятия и проведения в жизнь принципа нравственности и без создания на его основе нравственной атмосферы как принуждающей сверхвласти, понижающей все общественные институты. Можно даже говорить об “идеологии нравственности”.** Российское же общество с его традиционно-обострённым чувством справедливости такую *сверхвласть* только поддержит.

Речь идёт о практической “идеологии нравственности”, реально воплощаемой в общественном движении “Добровольцев нравственного пути”. В рамках последнего формируется экспертное сообщество, на базе которого создаются советы по направлениям и проблемам профильных структур государственного управления, Совет Нравственного Суда (Нравственный суд) и Комитет милиции Нравственности (милиция Нравственности). Все они работают в соответствии со специальными положениями и подходят к решению задач общественного управления с нравственных позиций, взаимодействуя с существующей властью. Экспертное сообщество выступает, таким образом, в качестве своеобразного кадрового резерва для властных структур.

Всё остальное – вопросы техники, в том числе и техники использования человеческой безнравственности в нравственных целях. (В этом смысле мы

вполне разделяем взгляды русского философа И.А.Ильина, высказанные им в книге «О сопротивлении злу силой»; от себя добавим: «и силой ума тоже»). Представим себе, например, что власть взяла на вооружение принцип нравственности, в подтверждение чего совершила первые акты справедливости в виде *заслуженного* поощрения и наказания отличившихся руководителей. Будет ли это означать, что все остальные руководители тут же проникнутся нравственным началом и начнут исполнять свои обязанности с особым рвением? Конечно же, нет. Но абсолютно представимо и прогнозируемо другое: видя, что система нравственного осуждения и принуждения работает и что она представляет угрозу для карьерного роста да и вообще для пребывания во власти, чиновники начнут “копать безнравственный компромат” друг на друга, чем положат начало процессу “самовыдавливания” из власти наиболее одиозных представителей собственной среды, процессу нравственной самоорганизации власти.

Пора, наконец, учесть, что Россия – страна традиционно мощной бюрократии, справиться с которой можно только одним способом (если исключить физические репрессии) – путём её подчинения идеократии, власти “идеи нравственности”. А для этого и нужно то “углубление демократии”, которое выражается в усилении ротации управленческих, бюрократических кадров с привлечением к общественному управлению квалифицированных людей, оказавшихся “за бортом” принятия решений. С новыми же кадрами можно будет надеяться на изменение в лучшую сторону не только направления бюрократической деятельности, но и критериев её оценки. Ведь и сами эти новые кадры должны черпаться из экспертного сообщества – альтернативного бюрократическому образованию, формируемого уже под прессингом идеологии нравственности и пополняемого за счёт не востребоваанных (или недостаточно востребоваанных) забюрокраченным обществом профессионалов.

Только идеологический прессинг на бюрократию может сегодня гарантировать нормальное функционирование *нравственного бизнеса* (бизнеса, которому можно будет предоставить разного рода льготы: госзаказы, лицензии на разработки недр, допуск к масштабным государственным проектам и др.). Только он может положить конец искусственной дебилизации и оскотиниванию через СМИ населения страны; только он может воспитать в членах общества отношение к богатству как к условию больших творческих возможностей и большой ответственности. И только он, через возвращение в жизнь социальных гарантий, может предупредить возникновение в обществе агрессивной напряжённости как предвестия перманентного терроризма – гражданской войны всех против всех.

12. Борьба с бюрократией имеет прямое отношение и ко второму варианту сценария по оздоровлению духовной атмосферы общества, а именно – к тому его варианту, который связан со сменой мировоззренческой парадигмы.

Смена мировоззренческой парадигмы (т.е. смена господствующих теорий о принципах объяснения и понимания мира) предсказывалась на протяжении всего XX века, причём сразу по многим направлениям мысли. Здесь имеют место и разочарование в упрощённой, чисто условной схеме развития “от простого к сложному, от низшего к высшему”, и несостоятельность биологической гипотезы о наследовании приобретаемых

признаков, и осознание того факта, что эволюционистское представление о возникновении “живого из неживого” не адекватно реально наблюдаемым процессам (а именно: принципу “все живое – от живого”), и идея иерархического строения реальности, и несводимость информации к материи, и загадочность “антропного принципа в космологии”, и новая, связанная с мифологической семантикой, фактология в истории духовной культуры, и те методологические тупики, которые в герменевтике (науке об интерпретации текстов) носят название “кругов в доказательствах”, и многое другое.

Всё это вместе взятое нашло своё обобщённое выражение в прогнозах В.И.Вернадского: «Возрождение разных форм виталистических и энергетических гипотез жизни является проявлением научного критизма. Оно является реакцией против незаконно охватившего науку философского представления, ей чуждого. К тому же это философское построение связано с материализмом, тем течением мысли, которое было живым в конце XVIII, середине XIX века и которое в тех проявлениях, в каких оно выражено в науке, является *историческим пережитком...*» (В.И.Вернадский. «Начало и вечность жизни». М.1989). «То, что вчера казалось научно невозможным, завтра может оказаться научно необходимым»; «Мы подходим к очень ответственному времени, к коренному изменению нашего научного мировоззрения» (он же. «Изучение явлений жизни и новая физика» // Известия АН СССР, VII серия, 1931, №3).

Была также высказана и косвенная догадка, что в рамках новой мировоззренческой парадигмы найдёт свою “реабилитацию” нравственная проблематика. Первым здесь оказался всё тот же Вернадский: «Если подтвердится, что жизнь есть не планетное, а космическое явление – последствия этого для биологических и *гуманитарных* концепций будут чрезвычайны» (там же). А вслед за Вернадским на тот же момент указал создатель Общей теории систем Л. фон Берталанфи. В частности, он писал: «Если реальность представляет собой иерархию организованных целостностей, то и образ человека должен отличаться от его образа в мире физических частиц, в котором случайные события выступают в качестве последней и единственной “истины”. Мир символов, ценностей, социальных и культурных сущностей в этом случае представляется гораздо более “реальным”, а его встроенность в космический порядок окажется подходящим мостом между... наукой и гуманитарным мироощущением, технологией и историей, естественными и социальными науками или сторонами любой иной сформулированной по аналогичному принципу антитезы» (Л. Фон Берталанфи. «История и статус общей теории систем» // Системные исследования. М. 1973).

В последней цитате выражена, по сути дела, надежда на нарождающееся *очеловечивание* научного мировоззрения – надежда на придание ему *нравственного измерения*. Тем не менее, реальная задача осуществления такой надежды остаётся до сих пор нерешаемой, причём похоже, что не только по научным, но и – в гораздо большей степени – по сугубо идеологическим и эмоциональным причинам. Оснований думать именно так – достаточно; отметим хотя бы, как упорно (и топорно) внедряется в умы представление о материализме как о наиболее адекватном реальности и наиболее прогрессивном способе осмысления окружающего мира, и как беспощадно высмеивается и клеймится за “ненаучность” всё то, что может составить ему альтернативу.

Почему всё это делается, в общем-то понятно, – если учесть, что

господствующее сегодня материалистическое мировоззрение служит моральным оправданием сложившегося в мире бессовестного и безнравственного глобального порядка (составной частью которого является показная конкуренция *капиталистического* и *социалистического*, но в обоих случаях **материалистического**, социальных строев). Отказываться в этих условиях от материалистической парадигмы – означает ставить всё здание этого порядка под угрозу нравственной ревизии. Как и наоборот: пока в сознании миллионов сохраняет свою авторитетность материалистическая парадигма – неуязвим и глобальный *антидемократический* порядок, воплощённый в основанных на ней предпосылочных установках, принципах и методиках обучения, в программах и технологиях управления массовым сознанием, в огромном количестве зомбирующих формул и языковых штампов, в поведенческих образцах и шаблонах.

Понятно и то, что выступать в таких условиях против материалистической парадигмы означает фактически – ставить себя вне обсуждаемости, вне легальной научной полемики, вне возможности быть услышанным. Это особенно очевидно в связи с российскими условиями, где понятия “научный” и “материалистический” стали синонимами, – потому что на протяжении многих десятилетий советской истории сама возможность получения научной степени была напрямую связана с “принесением клятвы в верности материализму” (а именно так и нужно расценивать чисто бюрократическую необходимость сдачи входившего в “кандидатский минимум” экзамена по философии, т.е. фактически по теории научного материализма). Но разве не являлась такая “клятва”, даже и произносимая формально, обещанием не думать самостоятельно о самых главных – предпосылочных основаниях собственного научного дела? И разве не влияла формальность таких “обещаний” на нравственную атмосферу общества?

И всё же смена мировоззренческой парадигмы неизбежна. Более того: судя по ряду косвенных признаков, она станет свершившимся фактом уже в самое ближайшее время. А чем более упорное ей будет оказываться противодействие, тем с большей силой заявит о себе назревающий интеллектуальный прорыв. Хотя и наивно надеяться на то, что новая картина мира явится нам вся сразу в законченном, отточенном в деталях виде, или на то, что она моментально и целиком овладеет общественным сознанием.

Но вот в чём совершенно не стоит сомневаться, так это в том, что **тот, кто первым поставит под свой контроль энергию прорыва – тот получит и неограниченный кредит общественного доверия ко всем своим начинаниям в области “идеологии нравственности”**. Потому что смена мировоззрения вовсе не сводима к техническому моменту “информационной перезагрузки общества”. На самом деле смена мировоззрения – это *бифуркационная точка истории*, умелым воздействием на которую запускается в работу небывалый по своему масштабу и последствиям проект качественного, **подлинно демократического** обновления общества. А в этом проекте впервые, может быть, перестанут выглядеть несбыточными и наши самые сокровенные мысли, и самые заветные цели, и самые потаённые надежды.

13. Подведём итоги.

О том, что доктринёрство в области демократического строительства изжило себя, сказано и написано немало. Кое о чём из этого сказанного и написанного полезно напомнить:

«Политическая доктрина современности – **демократизм**. Везде и повсюду, при всех условиях – есть только одно политическое спасение, а именно водворение демократического строя. Чтобы быть “почтенным” и **“признаваемым”** деятелем, надо быть демократом, а это значит **верить** в демократию и требовать её осуществления... Демократиям надо сочувствовать, что бы в них ни происходило и какие бы ни были последствия; дурное, превратное, больное и развратное в них надо замалчивать или объяснять коварными происками “анти-демократов”. Критика – трезвая, зоркая, честная – недопустима... Важно одно: чтобы повсюду водворилась демократия, **к чему бы это ни привело...** Да осуществится демократия – и да погибнет мир!»

«От демократии ждали, да и теперь ждут, – ждут с уверенностью, с пафосом, с **инквизиционной нетерпимостью**, – “спасения” для будущей России. Кто примет эту веру, тот “человек”, *деятель*, строитель будущего, ему открыты “двери”, “салоны”, газеты и издательства, он будет приглашён во всевозможные “координирующие” “субординации”, ... ему позволят сесть за один стол с болтливо-претенциозными “вождями” и получить “свою долю” в распределении добытых “нумизматических коллекций”... Но кто не примет эту веру, тот будет беззащитно оклеветан, извергнут, изолирован и демократически казнён по системе организованного “замалчивания”. Так было двадцать-тридцать лет тому назад, так осталось и теперь. На свете существует и сплочённо работает **демократическая инквизиция**. И чем она настойчивее и активнее, тем больше жертв, мук и крови потребует в будущем для того, чтобы люди отрезвились и образумились от этого демагогического угара...»

«Демократия строится механизмом выборов. Этот механизм якобы основывается на “свободе мысли” и “воззрений”, и именно в силу этого он предоставляет в государственном деле каждому неучу право на невежество, каждому бессовестному человеку право на интригу, каждому неразоблачённому предателю право на предательство. О воспитании ответственности и о прикреплении личного голоса к основам здорового правосознания формальная свобода не позволяет и думать. Об умственном и нравственном ранге людей принцип равенства не позволяет и заикаться. Зато слепая и мстительная партийность часто развёртывается во всей своей вредоносности.

Но партийная работа требует прежде всего личного честолюбия и **денежных средств**. И вот оказывается, что демократия напрягает и развязывает в народе силы честолюбия и ставит их в зависимость от финансовых ассигнований. Наивно было бы думать, что партийные денежные средства, необходимые на издание газет и брошюр, на пропаганду и агитацию, на содержание организационных центров, на разъезды ораторов и на подкуп нужных лиц могут быть собраны партийными членскими взносами. Эти средства поступают обычно из **непроглядной кулисы**, из источников, которые, например, в современных Соединённых Штатах то и дело подвергаются заподозрению и безнадёжной “проверке”: ни партийные деньгодатели, ни партийные деньгополучатели не заинтересованы в публичной и недвусмысленной отчётности, и всё тонет во тьме... Во всяком случае, история устанавливает как факт, что демократические выборы требуют **больших партийных средств и расходов** и что источники этих “дотаций” **тонут в международной мгле...**» (И.А.Ильин. «Наши задачи». Париж-Москва, 1992).

А вот ещё: «Демократия, не нарушая своих принципов... может сочетать в себе все виды гнёта политического, религиозного, социального. Но при демократическом строе деспотизм становится неуловимым, так как он расплывается по различным учреждениям, он не воплощается ни в каком одном лице, он вездесущ и в то же время его нет нигде; оттого он, как пар, наполняющий пространство, невидим, но удушлив, он как бы сливается с национальным климатом. Он нас раздражает, от него страдают, на него жалуются, но не на кого обрушиться. Люди обыкновенно привыкают к этому злу и подчиняются. Нельзя же сильно ненавидеть то, чего не видишь» (М.Палеолог. «Царская Россия накануне революции». М.1991).

«Позади демократической формы, как она представляется извне, скрывается гораздо больше феодализма, чем это подозревает народ, который даёт себя обманывать видимостью и словами. Авгурь всех партий хорошо это знают, и где они между собой, они обмениваются многозначительными улыбками» (С.Л.Франк. «Религиозные основы общественности» // «Путь». М. 1992, кн.1)

И, наконец: «Едва демократия начинает морализировать и философствовать, как она обращается в мошенничество. Тут-то и положен для неё исторический предел» (В.В.Розанов. «Опавшие листья». М. 2001).

Вроде всё правильно, возразить нечего. Так и хочется, прочитав эти откровения, бежать сломя голову куда подальше от кошмара по имени “демократия”. И побежали бы,... если бы не были сыты по горло аналогичными страшилками на тему приснопамятного “социализма”. С теми же напоминаниями о деньгах на “социалистическую” революцию, происхождение которых тоже «тонет в международной мгле». С теми же «многозначительными улыбками авгуров», рассуждающих о “светлом социалистическом будущем”. И с тем же лицемерным “Моральным кодексом...”.

А есть ещё не только страшилки, но и апологии, как демократические, так и социалистические. Почитайте, что пишет выдающийся русский философ и писатель Л.А.Тихомиров про современных ему апологетов “социалистической” революции, особо отмечая свойственное им «преследование, с ненавистью, всякого сомнения в последнем издании “истины”». А чего стоит его изумительный (по точности последующего исполнения) прогноз: «И не подлежит сомнению, что если и “условия производства” не поведут народы к революции и “новой эре”, то интеллигенция отбросит марксизм, как отбросила прежние свои теории, и придумает ещё какое-нибудь новое “последнее слово” (науки – авт.), которое опять будет так же упорно навязывать народам, как навязывала марксизм» (! – авт.) (Л.А.Тихомиров. «Христианство и политика», М.- Калуга, 2002)

Ведь это не в бровь, а в глаз – про нынешних “апостолов демократии”. Есть над чем задуматься...

А может, хватит **зацикливаться на словах**, смысл которых проблематичен? Может, хватит становиться (на потеху международным “операторам”) “собаками Павлова” – объектами отработки условных рефлексов? И не попробовать ли жить по принципу: оказывать внимание не только словам, видимостям, форме, но и смыслу, сути, содержанию?

Слово – это Имя. А, как сказал в одной из своих киноролей популярный французский актёр: «Нет такого имени, которое нельзя было бы прославить!» И если уж логикой исторических обстоятельств нам *навязано* имя

“демократии”, так давайте его прославим! То есть, давайте **наполним его своим собственным, нужным нам, нравственным содержанием!** Тем более что слово-то само по себе неплохое – “народоправство”. Да и традиция – наша, древнерусская, соборная, земская.

В сущности, у нас и выхода-то другого нет: или мы перегрызём друг другу глотки, размахивая в параноидальном остервенении *бирками* “коммунизма”, “социализма”, “демократии”, “либерализма”, “анархизма”, тоталитаризма“, “фашизма“ и др., – или же поймём, что для того только нам эти *бирки* и подсовывают, чтобы мы не заметили главного. А главное заключается в том, что у нас, по большому счёту, есть только один безусловный враг – *паразитоκραтия*. И есть только один критерий опознавания этого врага – утрата обществом совести и порядочности. Потому что паразитоκραтия только там и возможна, где неблагополучно с **нравственностью**.

Но что отсюда следует? Долой паразитоκραтию? Да здравствует антипаразитическая революция? – Да, лозунги зажигательные. Но – безнадёжно-провокационные. Потому что всё это уже было тысячи раз, под разными словесными “бирками”. И после каждой очередной революции, ставившей целью смести паразитоκραтию, она всегда оказывалась могущественней прежнего. Почему? – Да по одной единственной причине: **паразит не вне нас! Он сидит внутри нас, и имя ему – бессовестность и безнравственность.**

Конечно, и про “безнравственность внутри нас” тоже много раз уже слышано. От священников. Но, видно, далеко не всё, что нужно, усвоено. Потому что религиозность – это не только “молитесь и уповайте”, но и “ищите Правды Божией”. То есть, говоря словами Н.А.Бердяева, это не только «спасение собственной души», но и «социальное творчество», «творчество жизни, преобразование жизни общественной и космической» (Н.А.Бердяев. «Спасение и творчество: два понимания христианства» // «Путь». М. 1992). И если в современной церкви, в силу специфики её исторического пути, единственно значащим признаётся лишь “спасение”, то отсюда вовсе не следует, что нужно отказываться и от “творчества”.

Выбор же конкретных форм творчества – более чем широк. Но в любом случае всё начинается с духовно-нравственного воспитания в семье. Без этого не будет и обратной связи: от нравственных отношений в семье – к нравственным отношениям в обществе. Только развивая семью (“гнездо нравственности”), мы последовательно придём к “своему” государству, к “своей” – **нравственной** – демократии. И только через неё мы сможем подарить обществу не *либера (либераста)*, а **гражданина**, способного адекватно реагировать на главный вызов времени – на царящую в мире несправедливость.

Речь идёт не о той несправедливости, единственной альтернативой которой считается *равенство голосов на выборах*, а о той, которая существует как *несправедливое неравенство достойных* (по духовному, а не материальному критерию) *в доступе к образованию, к здравоохранению, к возможности полноценно проявить себя на благо обществу*. Именно эта несправедливость всё более агрессивно заявляет о своём “праве” на господство в мире. Именно этой, перенаполняющей мир, несправедливостью создается “Кашеево царство”. Оно уже существует, его очертания всё явственнее проступают сквозь “либеральный туман”, его щупальца всё назойливее проникают во все поры нашей политической, бытовой и даже умственной жизни. И оно уже достаточно могущественно, чтобы в приказном

порядке экспортировать во все концы планеты *формальные* признаки демократии, выжигая при этом калёным железом её *сущностные* признаки.

Но разве всё это означает, что *превратиться в маленьких кашеев, смотрящих в рот Большому* – единственный оставшийся у нас выход?

Жизненный опыт, народная мудрость и собственная нравственная традиция подсказывают нам, что **можно принять навязываемые правила игры, но совсем не обязательно принимать навязываемые ценности**. И если идти именно по этому пути, то **тогда в жизни появляется истинный – нравственный – смысл**: не терять свои головы в тупом (революционном) самоистреблении за фантомные “бирки” Кашея, а, овладевая постепенно всё более и более глубоким пониманием сущности окружающего нас мира, постичь, наконец, природу того “кончика иглы”, на котором спрятана “Кашеева смерть”.

Так уж мы устроены: никогда русский народ не примирится с **фашистским по сути порядком, делящим общество непроходимой пропастью на “элиту” и “быдло”**. Никогда он не признает за самозванной “элитой” права на это наименование; для него понятия “элитности”, “благородства” и “аристократизма” всегда будут оставаться обозначениями не материального благосостояния, а высоких духовно-нравственных качеств. И никогда он не согласится с навязанной, но не свойственной ему ролью “шестёрки в чужой игре”. Наоборот: оказавшийся “впереди планеты всей” в качестве жертвы **либеральной “демократии”** (другие страны на очереди), он первым даст и пример духовно-нравственного самовоскрешения, пример нравственного пути для всего человечества.

А в поддержку провозглашаемого либералами тоста «За демократию!» он, перефразируя героя фильма «Подвиг разведчика», ответит:

«За нашу демократию!»

А.С. ПУШКИН О ДЕМОКРАТИИ

Сегодня, когда Россия в очередной раз уличается в своей фатальной несовместимости с демократией, а русская общественная мысль – тоже в который уже раз – комплексует по поводу этой несовместимости, полезно сравнить современные представления о народовласти с теми, которых придерживался А.С.Пушкин. А материалом для сравнения могут послужить записанные А.О.Смирновой-Россет мысли Пушкина о демократии и вообще о власти, высказанные им в разговоре с французским послом в России де Барантом (в присутствии Вяземского, Мятлева и некоторых других постоянных пушкинских собеседников). Разговор этот дошёл до нас во всех подробностях благодаря необычайному стенографическому искусству Александры Осиповны. Правда, отношение литературоведов к её труду неоднозначно; но, во-первых, сомнения в подлинности “Записок” уравниваются прямо противоположными мнениями на этот счёт, а, во-вторых, сам предлагаемый разговор Пушкина с Барантом настолько интересен и актуален, что в любом случае заслуживает внимания.

Разговор начинается с обсуждения некоторых вопросов текущей политики и постепенно приобретает отвлечённо-теоретический характер. По ходу разговора выясняется, что противопоставление друг другу республики и монархии не является в глазах Пушкина синонимом противопоставления “демократии” и “деспотизма”: «Во все времена были деспоты-республиканцы, якобинцы более деспоты, чем все короли». Барант, полемизируя, пытается отстоять преимущества демократии, на что Пушкин в ответ заявляет: «По моему мнению, демократия, в том виде, как её понимают, только слово, не более.

Барант: Что вы хотите сказать?

Пушкин: Объяснять это очень долго».

Далее Пушкина просят всё же объясниться, и он произносит целую речь. Вот основные выдержки из неё:

«Мир разделён на две части: на аристократов и демократов, так как они одинаково существуют в монархиях и в республиках... Следовало бы условиться относительно смысла, какой придаётся словам *аристократия* и *демократия*. И даже вместо аристократии я предпочёл бы слово *олигархия*, что более точно. Понятно, что названия эти лишены всякого действительного смысла в древних и восточных монархиях, где были лишь государи, неограниченные и деспотичные, или касты, как в Индии. Ксеркс, Атилла, Тамерлан имели лишь рабов и царедворцев; в этих монархиях граждан не существовало. Итак, слова *олигархия* и *демократия* появляются там, где были граждане. Но так как жизнь древних, в Греции и Риме, была основана на рабстве, то хотя народ и посещал Форум, я не вижу истинной демократии в этих республиках, так как часть граждан была в рабстве, и от него надлежало освободиться, чтобы сделаться чем-то вроде гражданина, да и то с очень ограниченными правами.

Спарта... считается представительницей олигархического правления в Греции, и Спарта немного внесла в человеческую мысль; но не её аристократизм, а её военные нравы – причина того, что у спартанцев жизнь мускульная оказалась преобладающей над жизнью умственной. Афины считаются городом демократическим, и этому приписывают влияние этого города на ширь мысли, в этом думают найти тайну его гения. Это – заблуждение; и в Афинах были рабы, что противно демократическому равенству. Не потому, что система правления в Афинах была демократичнее, чем в Спарте, даровали Афины миру мыслителей, философов, из коих один – Аристотель –

не имеет в себе ничего демократического, а другой – Платон – противник безусловного равенства... Век Фидия, век Праксителя и Апеллеса, век Перикла, Алкивиада и Аспазии не имеют в себе ничего демократического. Это литературно-образованное афинское общество по существу своему – общество аристократическое... Это наименее буржуазная среда, какая только существовала на свете.

Барант: Я с вами согласен.

Пушкин: Все эти греки – умственные олигархи: они не особенно жаждут видеть простой народ сравнённым с людьми, которые правят на Агоре. Только это – граждане, а простолюдины изгнаны из их советов. Кроме того, умственно развитое и артистическое меньшинство граждан никогда не будет демократическим, так как учение это – прямая противоположность того, которого придерживается демократия. В учении этого меньшинства оказывается идея избранности, ограниченное число, у них господствуют способности, которые всегда в меньшинстве, в демократии же преобладает число, количество вместо качества».

То же самое – в Риме: «Брут в Риме – не что иное как олигархический трибун, который восстаёт против царя. Гракхи требовали аграрных законов, права чисто экономического, но эти аграрные законы не предоставляли сельчанам политических прав. Рим – архиолигархический город; он в своих гражданах видит лиц привилегированных; *римский гражданин* – это почётный титул, почать. Это крайне аристократично. Ни народ, ни рабы не имели в Риме и Греции истинных прав гражданства; в Риме жрецы, всадники, *Patres Conscripti* (отцы-учредители – *авт.*) были олигархами, и милитаризм логически приводил к цезаризму...».

То же самое – в средневековой Италии: «Венеция, Генуя, Флоренция, несмотря на свои две партии – олигархии: никто меньше не гоняется за равенством, чем эти мнимые демократии, греческие и итальянские». И то же самое – во всей остальной средневековой Европе: «В обеих империях, после Римской империи, в феодальных королевствах, в республиканских олигархиях слово *демократия* не означает *равенство*, и даже под этой демократией не должно понимать народный элемент вообще... Король нормандский в Бретани – первый барон королевства, и он понимает это так широко, что возводит в звание пэра. Король французский также создаёт пэров, он первый дворянин королевства. Остановимся ли мы на рыцарстве у сарацинов, у норманнов, на городских головах или на патрициях в Испании, в Португалии, в Нидерландах, во Фландрии, всё основано на олигархических принципах: парламенты и сеймы; даже во Франции существует дворянство меча и дворянство судейского плаща. Точно также было и в трёх скандинавских королевствах...».

То же самое – и в русских вольных городах: «Наши города, в старину, несколько уподобляются итальянским городам, хотя в Новгороде и Пскове и избирают предводителей и судей, и избранные – бояре – управляют избравшими их...; бояре вели и торговлю, как итальянские патриции в Венеции, Генуе, Флоренции... меня поразило это сходство; в германской Ганзе тоже господствует высшая буржуазия. Венеция титуловалась Всепресветлейшей республикой, Новгород Великий именовал себя Господином...».

«Вяземский: Значит, с твоей точки зрения. Пушкин, демократия лишь звук пустой?

Пушкин: С моей точки зрения, чтобы быть демократом, недостаточно не иметь частицы *де* и генеалогического древа. Это, мне кажется, факт. В известном смысле это отвлечённое выражение; оно перестаёт быть отвлечённым, когда признаешь, что народ имеет до некоторой степени право выражать свои желания, свои потребности и избирать своих уполномоченных. Наши вече, наши Земские Соборы пользовались этим естественным правом; значит, нравы были демократические, но система уделов

и феодальный царизм, который боролся с олигархами нашей Думы, не имели в себе ничего демократического.

Барант: У вас был совет аристократов?

Пушкин: Да, Боярская Дума; но если там рассуждали, подавали голос, подтверждали своей подписью указы царей,... то вече, которое созывалось старшими князьями, а также и младшими в их уделах посадниками... в вольных городах, это вече состояло из всех граждан, но его созывали в особых случаях; эти русские форумы не управляли страной, и Дума также не управляла: она служила целям административным, так как в то время у нас не было бюрократии. Более древние удельные князья, заседавшие в Думе, не имели политических прав.

Барант: Там заседали по праву рождения?

Пушкин: Да, но цари сажали туда также лиц, послуживших государству на войне или в посольствах, а также думских дьяков и простых дворян, так как это были образованные люди того времени. Как видите, система была смешанная...».

«Демократия предполагает правление в руках не только большинства, но всех; логически говоря, таково должно быть учение демократов, но в применении оно невозможно. Олигархия предполагает правление в руках ограниченного числа, но с собраниями, с избранными, с избирателями тотчас возникает борьба двух партий, и если верх возьмёт большинство – меньшинство уже не имеет более голоса в управлении народом – оно побеждено. Между тем истинная демократия не может логически давить меньшинство, если только она верна своему учению. Аристократия, т.е. дворянство по крови, наследственное, связанное с владением землёй, просто произошло от семейных патриархов, от главы каждой семьи. Понятие о семье, об отце, главе дома – понятие аристократическое по существу. Слова: дворянство, аристократия, отвечающие феодальным понятиям, хотя более древние, чем германская аристократия, так как уже в Риме существовали всадники и патриции, – теперь стали достоянием гостиных. Во все времена были избранные, предводители; это восходит от Ноя и Авраама... Роковым образом люди, при всех видах правления, подчинялись меньшинству или единицам; так что слово *демократия*, в известном смысле, представляется мне бессодержательным и лишённым почвы. Великая Революция, мне кажется, это доказала.

Барант: А между тем это было торжество демократии, равенства.

Пушкин: Только в одном смысле: по отношению к торжеству третьего сословия над дворянством и королевской властью, и уничтожению привилегий. Но провозглашение прав человека было, собственно, для народа лишь фразой, точно так же, как и бившие на эффект слова: “Ступайте и скажите королю, что мы здесь волею народа!” и проч. Это была даже ложь, так как Генеральные штаты созвал король, а отнюдь не народ в полном составе, да и никакая партия не предоставляла народу этого права. Единственные права были: привилегии дворянства, духовенства, льготы городов и третьего сословия, буржуазии, что ещё не составляет народа». Само же «третье сословие никогда не было демократично, оно было только антиаристократично; они часто держали сторону короля против крупных вассалов, эти господа буржуа.

Мятлев: Однако буржуазная демократия низвергла королевскую власть.

Пушкин: Не в Англии; демократия была ни при чём в представлениях Гампдена и Кромвеля: один Мильтон написал своё *Defensio Populi* (памфлет о защите народа – *авт.*), но все эти люди английской революции вовсе не поклонялись равенству. Во Франции... третье сословие восторжествовало в 89-м году, и из него образовалась буржуазная аристократия. Привилегии уничтожили в 89-м году, первый шаг в деле равенства или демократии, но шаг призрачный, так как исчезла одна феодальная аристократия; то, что её заменило, отнюдь не проникнуто равенством, хотя бы и

считалось демократическим.

Барант: Я с вами согласен. Третье сословие сделалось новой аристократией, без грамот и без родословного древа, но, в сущности, ничто менее не говорит о равенстве. Демократия в том виде, в каком она существует, отнюдь не означает участие народа в делах правления, хотя бы он даже и подавал голос на выборах;...».

Итак, все перечисленные А.С.Пушкиным государственные образования по сути своей всегда являются олигархиями – властью небольшой группы людей (некоторым исключением выглядит русский «феодальный царизм», весьма успешно боровшийся и с боярско-купеческой олигархией Господина Великого Новгорода, и с аристократической олигархией Боярской Думы). Устойчивым признаком всех таких олигархий можно считать присущее им обыкновение выдавать себя за нечто иное, в частности – за “демократию”. Сама же по себе “демократия” – всего лишь пропагандистское клише, инструмент политической демагогии, этакое теоретическое прикрытие и оправдание олигархического порядка. Демократии как целостной управляющей системы – не существует; есть лишь отдельные элементы этой системы, более или менее подчинённые общему олигархическому принципу (о Швеции: «Эти готы и норманны не были демократами, но у них есть палата крестьян»). И есть также демократия как идеалистическая тенденция стремления к ней, вызванная обнищанием народных низов: «Народные движения, жакерия, крестьянская война всегда исходили из проведённой по ним борозды; сельчан поднимают обезземеление и голод, а отнюдь не политические партии. Они требуют лишь клочка земли, права свободного труда, без барщины, без десятины – вот вам сельская демократия, и она истинная». Но: «...всегда будет существовать налог на собственность, да и всё оплачивается: мостовые, освещение, вода, право въезда в города, ввоз товаров из других государств, дороги для народа, который воображает, что у правительства всегда есть деньги; требования государственной казны, налоги, всегда представляются притеснением, так как он не хочет понять, что это одна из доходных статей государства, с помощью которых приводится в движение вся машина. Чем сложнее машина, тем дороже она стоит, и истинно демократическим делом было бы – упростить пружины, чтобы снять бремя с людей, дворян, буржуа и простолюдинов, так как за поддержание машины платят все».

Безусловно, задача “упрощения пружин” тесно связана с ростом общего образования, но сам по себе этот рост ведёт лишь к смене форм умственной аристократии. «Пётр (Великий - *авт.*) был демократом в широком смысле слова. Он понял, что люди выдающиеся, люди талантливые часто выходят и из народной массы, что гений проявляется во всякой среде: эти избранные и составляют умственную аристократию, так как они уже вышли из своей среды; в этом смысле неравенство, значит, неполное, так как эти люди возвышаются над своей природной средой. В сущности говоря, неравенство есть закон природы. В виду разнообразия талантов, даже физических способностей, в человеческой массе нет единообразия; следовательно, нет и равенства. Был у нас один поэт, самый первый, он был также и научным гением, это Ломоносов, сын крестьянина, архангельского рыбака...

Барант: Один из пап был сыном английского пастуха, другой – сыном итальянского свинопаса, а Шекспир – тоже сыном пастуха. Конечно, у этих людей не было ничего общего с их средой, так же, как и у вашего Ломоносова.

Пушкин: Да, они были равны всем олигархам, и сын пастуха и сын свинопаса повелевали даже императорами и королями. В столь определённой иерархии церкви, которая допускает крестьянина и принца в ряды своих служителей, мы видим идеал равенства, но с различием в смысле должностей, обязанностей, а следовательно, и прав. Все эти иерархические ступени имеют своей исходной точкой – равенство, так

как сын мужика может сделаться епископом и даже папой, последствием же их является избрание достойнейшего; вот так-то я и понимаю равенство и демократию, причём это нисколько не мешает избранным быть цветом данного общества – аристократией.

Соболевский: ...Как только у народа образуется цвет общества из мыслителей, учёных, писателей, художников, полководцев, государственных людей, будь они по рождению аристократы, буржуа или крестьяне, из них неизбежно образуется аристократия.

Пушкин: «Пока люди образованные были лишь в рядах служителей церкви, в монастырях, то миром, т.е. королями, рыцарями, буржуа, главами государств, императорами управляла церковь. С Карлом Великим папство ещё могло столкнуться, так как обе власти по степени цивилизации были близки друг к другу, но церковь, более учёная, преобладала нравственно. Когда дворянство начало преуспевать по части образования, оно стало играть новую, политическую роль по отношению к королям, которые тоже делались цивилизованнее; затем за книгу засело третье сословие и тотчас же стало стремиться к тому, чтобы сбросить с себя иго; в XVIII веке французская аристократия стала легкомысленной, утратила свою умственную силу и подпала под влияние очень образованного третьего сословия, с которым более серьёзные аристократы, естественно, пришли к соглашению.

Если народ через сто лет станет тем, чем было во Франции третье сословие в 1789 году, он получит преобладание в силу своей цивилизации и вместе своей численности; это будет третья аристократия, умственная. Но пока существует аристократия денежная, плутократия, и она господствует в обществе, которое сделалось буржуазным. Теряет тут, главным образом, буржуазия, так как преобладание получается уже не в силу ума, а в силу денег.

Вяземский: Ты думаешь, что народ, масса, через сто лет сможет играть роль третьего сословия и что большинство будет образованным?

Пушкин: Нет, никогда не бывает умственно-развитого большинства ни среди аристократии, ни среди буржуазии, ни среди народа сельского или городского, как не бывает в школе большинства прилежных и умных учеников. Но ведь в революции все перемены к добру; её всегда затевало меньшинство; толпа шла вслед как панургово стадо... За этими людьми (т.е. за меньшинством – *авт.*) шли, их поддерживали, но первое слово всегда было сказано ими. Всё это является прямой противоположностью демократической системе, не допускающей единиц – этой естественной аристократии, которая ведёт за собою массы, управляет ими, направляет их. Впрочем, слова *аристократия*, *дворянство*, *олигархия* имеют различные значения, и всякий придаёт им то, какое соответствует его понятиям. Не думаю, чтоб мир мог увидеть конец того, что исходит из глубины человеческой природы, что, кроме того, существует и в природе – неравенство. Но очевидно, что несправедливые неравенства должны исчезнуть...».

Проблема, таким образом, заключается не в *неравенствах вообще* (на которых обычно делается упор в традиционно-демократической риторике), а только лишь в *несправедливых неравенствах*. А поскольку “справедливость” – это понятие, не сводимое к понятию “права” (“законности”), то не случайно поэтому и весь дальнейший разговор переключается в плоскость обсуждения нравственной проблематики. В частности, речь заходит о крепостном праве, причём замечается, что оно было заведено в России по образцу стран, претендующих обычно на гораздо более высокий, по сравнению с Россией, уровень цивилизованности и демократичности.

«Барант: Так крепостное право у вас существует не с древних времён?

Пушкин: Годунов прикрепил крестьянина к земле в 1593 году; он заимствовал

крепостное право из Польши. В старину у нас рабами были только военнопленные, да крестьяне нанимались пожизненно и даже детей своих отдавали внаймы на этих условиях, чтобы уплачивать долги, но они владели землёй и могли отправляться на работу куда им заблагорассудится... Дворянство даже протестовало против указа Годунова; в московских архивах имеются документы, которые подтверждают этот факт. Крепостное право тяготит нас всех, так как оно безнравственно, ненавистно, унижительно. Спросите этих господ: согласны ли они со мной?

Вяземский: В Германии оно было отменено только после 1820 года.

Барант: До 1789 года у нас были крепостные, приписанные к королевским владениям, к аббатствам, были и остатки крепостного права в некоторых провинциях, в виде так называемых “прав господина”. Крепостное право существовало повсеместно...»

Наконец, ещё один любопытный поворот темы, возникший в полемике Пушкина с Вяземским – об “антидемократичности” содержания Евангелия.

«*Пушкин:* Рабство, крепостное право – всё это, несомненно, должно было исчезнуть с появлением христианства...»

Вяземский: Потому что христианство – главным образом демократическое учение.

Пушкин: Да, знаю, это политический ярлык, которым его награждают с тех пор, как якобинцы прозвали Иисуса Христа санкюлотом-патриотом. Это ложь, это даже нелепость – переряживать Его в якобинца и демагога!

Вяземский: Не станешь же ты меня уверять, что Он был аристократом, хотя и повелел отдавать кесарево кесарю, да и жил он среди бедных, среди смиренных.

Пушкин: Согласен, но он никогда не отталкивал других, они его оттолкнули.

Вяземский: Апостолы были простолюдинами.

Пушкин: Это факт; то были избранники, но кто тебе сказал, что они были избраны потому, что были простолюдины? Заметь в то же время, что волхвы – то есть цари – поклонились ему ранее народа, хотя пастухи и были при этом. Это и доказывает, что Он пришёл для царей, для мудрецов, для простых людей, для всего рода человеческого... галилейские рыбаки и люди учёные, как волхвы, Савл Тарсянин, один из аристократов синагоги, Иоанн, сын священника Захарии, и евангелист Иоанн, учёность которого не может подлежать сомнению, могут в равной мере быть призваны и избраны без всякого внимания к их общественному положению; но это мне не доказывает, чтобы необходимым условием было – быть простолюдином, ремесленником и чтобы вдохновенность или святость составляли исключительный удел одного класса, в ущерб всем остальным...

Вяземский: И ты из этого заключаешь?...

Пушкин: Что демократия тут ни при чём. Главнейший факт – появление волхвов, царей, мудрецов, которые приходят поклониться Ему и принести дары. А при конце два богатых человека, два аристократа того времени, Иосиф Аримафейский и Никодим, покупают гроб и хоронят Его. Итак, не следует злоупотреблять Христом на пользу богатых или бедных, как не должно говорить, что Он одобрял Тиверия, когда приказывал воздавать кесарево кесарю...

Барант смотрел на него с некоторым удивлением: *этот* Пушкин был ему неизвестен...» (“Записки” Александры Осиповны Смирновой-Россет, М., издатель И.В.Захаров, 2003).

Справка об «Институте нравственности»

ЦЕЛИ ИНСТИТУТА НРАВСТВЕННОСТИ

Разработка и обеспечение внедрения моделей идеологического обеспечения корпоративной деятельности и организационного управления в системах государственной службы, общественной и частной предпринимательской деятельности.

Идеологическое обеспечение включает в себя разработку и обеспечение внедрения моделей корпоративных идеологий и этических стандартов на основе фундаментального нравственного закона: ненанесение человеком ущерба себе и ближайшему окружению, обществу и среде обитания, восстановление и поддержание баланса духовных и материальных устремлений и действий.

ЗАДАЧИ ИНСТИТУТА НРАВСТВЕННОСТИ

Совершенствование форм и методов разработки и обеспечения внедрения моделей идеологического обеспечения корпоративной деятельности и организационного управления в системах государственной службы, общественной и частной предпринимательской деятельности.

1. Поиск путей и способов совершенствования всех видов деятельности по обучению и воспитанию взрослых на основе фундаментального нравственного закона.
2. Научно-методическое сопровождение процесса нравственного обучения и воспитания взрослых, подготовка кадров, научная экспертиза деятельности взрослых.
3. Участие в организации взаимодействия с государственными, общественными и частными структурами и учреждениями.

ФУНКЦИИ ИНСТИТУТА НРАВСТВЕННОСТИ

1. Разрабатывает и совершенствует формы и методы идеологического обеспечения корпоративной деятельности и организационного управления в системах государственной службы, общественной и частной предпринимательской деятельности.

2. Осуществляет научно-методическое обеспечение процесса внедрения нравственного подхода в деятельность взрослых.

3. Принимает участие в организации взаимодействия с другими профессиональными участниками процесса внедрения нравственного подхода в России и других странах мира.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ ИНСТИТУТА НРАВСТВЕННОСТИ

1. Для государственных органов власти разработана модель управления на основе принципа нравственности.

2. Для общественных организаций разработана модель государственной идеологии «идеология нравственности».

3. Для частных организаций модель идеологического обеспечения эффективной экономической деятельности на основе идеологии нравственности.

Суть идеологии, принципа нравственности в том, что вся социальная действительность, общественные проблемы и насущные задачи рассматриваются, оцениваются и решаются с точки зрения фундаментального нравственного закона человечества: ненанесение человеком ущерба себе, ближайшему окружению, обществу и среде обитания, восстановление и поддержание баланса духовных и материальных устремлений и действий.